

ДОМ КУЛЬТУРЫ вырос в селе Манилы за шесть месяцев. Дня за два до завершения штукатурных работ прораб колхоза имени XXII съезда партии Федор Александрович Попов зашел к парторму артели Василию Михайловичу Чайникову.

— Вот малость подсохнут помещения, и надо будет приступать к малярным и лепным работам. Я не архитектор. Какими хотите видеть помещения — давайте решать сообща.

На другой день в колхоз вызвали художника Вячеслава Аркадьевича Соколова. Прибыл он в Манилы под вечер. Оказавшись, в Доме культуры он бывал раньше и поэтому приехал с готовыми эскизами. А часа через два у парторга сидели председатель артели Михаил Антонович Новиков, бригадир комплексной бригады, ведущей строительство Дома культуры, прораб, председатель сельского Совета Анна Умзявовна Чилимма и несколько членов правления.

Художник начал докладывать, какими ему видятся зрительный зал, фойе, буфет, бильярдная, библиотека, комнаты для кружковой работы. Рассказ свой сопровождал показом эскизов, рисунков будущей росписи.

И вспыхнул спор! Горячий спор заинтересованных людей.

Я прислушивался к нему и вспоминал все, что услышал, увидел, узнал за свои частые наезды в Манилы. Об истории этого села, его жителей, об их давнем и недавнем прошлом.

ДО 1948 года там, где стоит сейчас село, жил коряк Манил. Жил он, как и все прибрежные коряки, в деревянной юрте. Рыбачил, бил морского зверя — этим и кормил свою большую семью. В дни отдыха навещал знакомых, живших в Шестаково, Микино, Каменке. Его пути-дороги, как и пути его друзей коряков-рыбаков, всегда проходили около святилищ. И Манил, чтоб ему не изменяла удача, на одном святилище оставлял щепотку табака, на другом — чутонку чая, на третьем — кусок рыбы.

Прибрежные коряки Пенжинского района не знали шаманов. Они поклонялись святилищам. К примеру, у коряков-прибрежников таких мест было три. Одно в Пенжинской губе на острове Доброжанском, другое — между Шестаково и Микина и третье — чуть пониже Каменского, на высоком и красивом мысу.

Надо сказать, места для святилищ коряки выбирали красивые, высокие, с которых открывался круговой обзор тундры на десятки километров. Особенно красивое святилище на острове Доброжанском. Здесь до наших дней сохранились приношения-жертвы — скелеты морских зверей, рога оленей, крупные части скелетов китов.

Жители этих сел, объединившись в рыбартели, до 1948 года вели прибрежный лов рыбы, охотились на морского зверя. Но хозяйства были небольшими, мало-мощными. И руководители артели, и рыбаки поняли: небольшими коллективами большого дела не поднимешь. Ну, и решили слиться в одно хозяйство.

Рыбакам понравилось место, облюбованное Манилом. Юрта стояла на берегу небольшой холодной и чистой речушки. Она была безымянной. И ей дали имя. Назвали ласково — Манилка — в память о Маниле. Журчит речушка по долине, защищенной со всех сторон сопками, потому здесь и в большие ветры относительно безветренно.

На берегу Манилки рыбаки трех артелей и начали строить свое единое коллективное хозяйство. Вскоре вдоль реки выросли несколько домов из местного тополевого леса и десятка три землянок. Строительство шло медленно и трудно потому, что лес на него приходилось заготавливать в районе реки Оклан — это километрах в восьмидесяти от Манил. Большие трудности были с его заготовкой и сплавом: техники-то не было никакой.

Да и две строительные бригады, возглавляемые коммунистами Федором Мучиновичем Мевессой и Сергеем Ивановичем Аккетом, в первые годы работали не очень-то быстро и доброкачественно: вчерашние рыбаки только входили в курс нового и трудного для них дела. Ну, а работали строители, пожалуй, больше других в хозяйстве. Зимой — они заготавливали лес, ранней весной сплавляли его, затем, как и все, ловили рыбу, а летом и осенью строили.

С ПЕРВЫХ дней существования нового колхоза, наряду с добычей и обработкой рыбы, артель

стала заниматься оленеводством. Их соседи — колхозники артели «Оленевод» пошли навстречу своим товарищам, выделили им три табуна, что-то около пяти тысяч оленей. Но оленеводство велось эдовским способом, без учета достижений ветеринарной и зоотехнической наук в этой области. Поэтому оно, как рыболовство без рыбодобывающей базы, давало небольшие доходы.

Как ни ломал голову Александр Симоненко — первый председатель объединенной артели, но больше тех средств, что колхоз выделял на строительство, он выделить не мог. И все же в 1949 году бригады Аккета и Мевесса сдали в эксплуатацию пекарню, школу на три классных комнаты, дом для интерната и небольшое здание под столовую.

ЗАВИДНАЯ СУДЬБА МАНИЛ

★ ★ Навстречу
40-летию Корякского
Национального округа

В то время с трудом доставлялось не только каждое тополевое бревно на строительство жилья, но буквально каждая вязанка дров на отопление. Все грузы перевозились на оленях. У каждого дома стояли нарты да бродили по улицам и окрест в тундре олени, смиренные, терпеливые, послушные, словно старые рабочие лошади. На них даже собаки не обращали внимания.

ШЛИ ГОДЫ. Колхоз оснащался рыбодобывающей техникой. Росла добыча и обработка рыбы, увеличивалось поголовье оленей, рос доход колхоза, соответственно увеличивались отчисления на жилищное, культурно-бытовое и производственное строительство. Вот несколько цифр. Если в 1959 году оленеводство дало 14 тысяч рублей дохода, то уже в 1964 — 205 тысяч! От добычи и обработки рыбы артель в 1959 получила 48 тысяч рублей дохода, а в 1964 году — два миллиона шестьсот четыре тысячи!

А вот расходы на строительство. В 1959 году строители израсходовали 17 тысяч рублей, а в 1964 — 117 тысяч. Как раз к этому времени село отстроилось полностью. Все колхозники вселились в многоквартирные дома из местного материала. В эти годы были построены также клуб, баня, здание электростанции и другие производственные помещения. Почти вдвое увеличилась заработная плата колхозников.

Росли доходы рыбаков и оленеводов. Их уже не стали устраивать многоквартирные дома, прежний уровень культурно-бытового обслуживания. И колхозники решили для каждого труженика артели построить жилье, отвечающее современным требованиям.

Это решение было принято пять лет назад. И все эти годы каждое лето в Пенжинскую губу заходят океанские суда. В их трюмах — материалы для строителей Манил. И сколько бы их ни завозилось, колхозники всегда обижались — мало! И, как грибы после дождя, росли дома.

За пять лет колхозные строители ввели в эксплуатацию шестьдесят шесть домов. А это — 144 квартиры! К 52-ой годовщине Октября рыбаки и оленеводы заселят еще восемь домов. Выходит, за пять с лишним лет строители артели возвели 74 дома. Это — 167 квартир. Не таких, в каких раньше обычно жили сельчане, а современных, где отдельно и кухни, и гостиные, и спальни.

А к услугам ребят — отличная восьмилетняя школа — интернат,

двухэтажное красивое здание. Для малышей — ясли и детский садик. Для больных ребятишек — прекрасное здание санаторной группы. В нем светлые спальни, игральные залы, кухни, прачечная и сушилки.

Почти в центре села стоит новый Дом культуры. Чуть поодаль — здание парикмахерской.

ТЕ, КТО горячо спорил об украшении Дома культуры, вошли и любят им. Ну, и я с ними. Подходит бывший рыбак, причем лучший среди коряков побережья, а ныне строитель, коммунист Алексей Кавахутнович Авзелхут:

— Красавец, однако. А? — и кивает в сторону Дома культуры.

— Хорошо-то. — говорю, — хорошо, да и деньги хороши — 466 тысяч рублей.

— Деньги! Деньги! — сердится Авзелхут. — Не на ветер пускаем — в дело вкладываем.

Сердится он недолго. Затем лицо его светлеет. Разглаживаются глубокие, резкие морщины. Говорит:

— Вот в этом красавце мы и отметим 52 года Советской власти. Этот Дом культуры — наш подарок ей. Так сейчас говорят, пишут. А я бы сказал по-другому: этот дворец — большой подарок Советской власти нам, корякам. Вот так бы я сказал.

Потом отметим в нем 100-летие со дня рождения Ленина. В этот день я вот бы как сказал: «Дорогой Владимир Ильич, и село, и Дом культуры — это наш подарок вам, создавшему Советскую власть. Не будь ее — вон наши «дворцы». — Он показал на нечто такое, что отдаленно напоминало корякскую юрту, выложенную из обрезков досок, прилепившуюся у четырехквартирного дома.

— Это старуха выстроила. Варит в ней. Юность вспоминает. В ней ей легче вспоминается. — Он улыбнулся. — Да разве дело только в юртах...

Конечно же, не только в них. И не только в новом поселке, квартирах замечательных, прекрасном Доме культуры. А как изменилась сама жизнь, ее суть, содержание!

1958 год. Так ли далек он? А вот в те годы главная задача, которая стояла тогда перед интеллигенцией села: показать корякам, как обращаться с новыми предметами обихода, научить их варить, мыть посуду, полы, стирать, гладить одежду, современно одеваться, убирать комнату!

Случалось: войдет семья оленевода в квартиру, а живет в ней, как в юрте — никто не снимает в комнате меховой одежды, едят на полу, спят около койки, на оленьих шкурах.

Другие, пожив в квартире день-другой, бросали ее и переходили в юрту. Когда их спрашивали, чем не нравится квартира, слышали в ответ: что это за квартира, в которой костра разжечь нельзя, на шкурах спать запрещают, а на койке не сон — мученье одно: того и гляди упадешь...

А СЕЙЧАС? Зайдите в любую квартиру. Ковровые дорожки, цветы. Во всех комнатах — чистота, уют. А их хозяева? Одеты в современные красивые платья, молодежь — модно, некоторые — ультрамодно. Сыны и дочери в недалеком прошлом безграмотных отцов и матерей получают восьмилетнее, среднее и высшее образование.

Сейчас в колхозе имени XXII партсъезда два рыболовных сейнера и два средних траулера. Работают экипажи успешно. При годовом задании добыть 109.400 центнеров рыбы уже выловлено 85.245 центнеров. В этом году артель купила еще два рыболовных сейнера и два средних траулера. Так что молодежи, решившей работать на флоте, есть где применить свои силы и знания.

Не гнушается молодежь и оленеводства, потому как работать в пастушеских бригадах и почетно, и выгодно. Годовой заработок оленевода 3,5—4 тысячи рублей, рыбаков — 4—5 тысяч.

ГОВОРЯТ: какова судьба хозяина, такова судьба и дома. То же можно сказать и о селах. В каждом доме жителя Манил полный достаток. Потому-то растут и хорошеют год от года Манилы, что стоят на берегу шумливой речушки Манилки.

В. КОНДАКОВ.

с. Манилы
Пенжинского района.